

Такова была доктрина трактата «Об ораторе» («De oratore»), таков был и смысл книги Марциана Капеллы «О браке Меркурия и Филологии» («De nuptiis Mercurii et Philologiae»). Меркурий символизировал в ней красноречие, Филология — любовь к разуму; семь свободных искусств — это подруги невесты, присутствующие на свадьбе. Если Меркурий и Филология, красноречие и муд-

303

3. Изгнание изящной словесности

рость, разводятся, то оба обрекают себя на бесплодие, потому что Меркурий больше ничего не может сказать, а Филология не умеет говорить. Отсюда Иоанн Солсберийский делает вывод: «Sicut enim eloquentia, non modo temeraria est, sed etiam caeca, quam ratio non illustrat, sic et sapientia, quae usu verbi non proficit, non modo debilis est, sed quodam modo manca»*. «Doctus orator»** Цицерон, таким образом, сохраняет все свои права, и, следовательно, можно констатировать, что в XII веке говорить об образовании значило также говорить об изучении словесности. Где-то в промежутке между 1164 и 1178 гг. папа Александр III пишет точно в таком же духе: «Parisius se moram habiturum disposuit, et ibi studio litterarum ad praesens vacare; quicumque viri idonei et litterari voluerint regere studia litterarum...; litteratura ac probitas ac moram honestas»* * *. Казалось, ничто не угрожает латинской классической культуре Цицерона, Квинтилиана и св. Августина. Иоанн Солсберийский борется с врагами любой культуры. Он жалуется также на чрезмерное увлечение логикой, однако так называемая схоластическая теология еще не начала наступление на парижские школы.

К началу XIII века ситуация сильно меняется. По мере того как на латынь переводится все больше произведений Аристотеля, а преподаватели логики все шире включают их в свои учебные курсы, все меньше времени остается для «грамматики» и изучения классиков, а также, впрочем, для математики и других свободных искусств. Появляется культура нового типа, основанная на минимуме грамматики, необходимом для пользования сугубо школьной латынью. Эту культуру формирует изучение логики и философии Аристотеля, а увенчивает изучение теологии, методика которого исходит опять же из этой логики и философии. Безусловно, ни прежние знания, ни изучение словесности в XIII веке полностью не исчезли, но их как бы заглушили схоластические философия и теология. По этому поводу доносятся протесты, но они не находят отклика. Энергич-

нее других протестовал Роджер Бэкон****. Этот профессор первым откомментировал научные труды Аристотеля, и в его намерения заведомо не входило отвергать их изучение, совсем наоборот; но в своем «Большом сочинении» («Opus majus») он настойчиво требует, чтобы при этом не пренебрегали другими частями «тривия» и «квадривия». Бэкон настаивает на необходимости изучать грамматику и языки хотя бы для того, чтобы обрести возможность читать в подлиннике священных и языческих авторов. Необходимо преподавать древнееврейский, греческий, арабский и латинский языки; в этом отношении Роберт Гроссетест*****, Герард Кремонский, Михаил Скот, Герман Немецкий***** являются примерами, которым следует подражать. Латиняне, его современники, должны были бы взять за образец св. Иеронима. Незнание языков закрывает им доступ к изучению как древних, так и современных авторов. То же самое можно сказать и о математике: «Пренебрежение этой отраслью знаний на протяжении тридцати или сорока лет [то есть приблизительно с 1230 г.] разрушило всю систему обучения у латинян». Они хотели ограничиться логикой, но та — только прамбула к философии, тогда как математика и естественные науки суть части философии. Однако мы видим, что общество восхищается познаниями людей, подобных Альберту Великому,